

А. А. Мансков

Алтайский государственный университет, Барнаул

Образ «Страны нетов» в художественном мире С. Д. Кржижановского

Рассматривается образ «Страны нетов» в художественном мире С. Д. Кржижановского. На протяжении всей жизни писатель неоднократно обращался к этому образу. «Страна нетов» является не только предметом художественной рефлексии Кржижановского, но и его научного дискурса. На это указывает литературоведческая работа «Страны, которых нет» (1937), возникшая из первоначального замысла новеллы. Новелла «Страна нетов» (1922) служит своеобразным литературным манифестом автора «Сказок для вундеркиндов» и «Возвращения Мюнхгаузена». В ней находит отражение мировоззренческая позиция писателя, его философские взгляды, отношение к религии и творчеству. Кржижановский осознавал себя «нетом», обитателем несуществующей страны литературы. Свидетельством этому являются письма и дневниковые записи. Не имея возможности реализовать себя в современном ему литературном пространстве, автор философских новелл углублялся в сферу художественных замыслов. Поэтика его произведений выстраивалась не как следствие диалога с культурой, в которой он находился, а как диалог с его литературными предшественниками, которые в его воображении становились непосредственными обитателями Страны нетов.

Ключевые слова: новелла, ирония, существование, реальность, пространство.

Новелла «Страна нетов» была написана Кржижановским в 1922 г. Композиционно она завершает первую книгу новелл «Сказки для вундеркиндов». Такое построение сборника было неслучайным – в этом произведении автор объединил вместе темы и мотивы, занимавшие его ранее. Они разбросаны по всей книге и характеризуются наличием внутренних смысловых связей¹. Так, в «Стране не-

¹ Эта особенность поэтики книги отмечалась В. Г. Перельмутером. В комментариях к первому тому собрания сочинений С. Д. Кржижановского он пишет: «Однако, если вдуматься в то, что эта новелла – последняя, завершающая тщательно продуманную постройку книги, станут отчетливы ее переключки не только с “Четками” или “Якоби и “Якобы””, весьма очевидные (напр., и содержание “рассказа”, и интонация “рассказчика”

Мансков Алексей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры германского языкознания и иностранных языков Алтайского государственного университета (ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656031, Россия; a-manskov@yandex.ru)

тов» обнаруживаются художественные интенции, присутствующие в новеллах «Якоби и “Якобы”», «Грайи», «Бог умер», «Итанесиэс» и других сочинениях.

При чтении новелл Кржижановского часто возникает ощущение, что многие авторские образы и философемы переходят из одного в текста в другой, где рассматриваются всякий раз под новым углом зрения². Взаимодействуя друг с другом, эти понятия эксплицируют различные аспекты мифа Кржижановского о минус-пространстве.

Образ Страны нетов фигурирует и в других произведениях писателя. Он встречается в литературном очерке 1925 г. «Штемпель: Москва (13 писем в провинцию)», где также является предметом авторской рефлексии³. Если в новелле Страна нетов выступает в качестве аллегии человеческой жизни, то в следующем произведении это понятие символизирует сферу художественных вымыслов – литературу.

Необходимо также отметить литературоведческую работу Кржижановского «Страны, которых нет» (1937), возникшую из первоначального замысла новеллы. Это исследование является важным для понимания поэтики художественного мира автора «Сказок для вундеркиндов» и «Возвращения Мюнхгаузена».

Новелла «Страна нетов» служит своеобразным литературным манифестом Кржижановского. В ней находит отражение мировоззренческая позиция писателя, его философские взгляды, отношение к религии, творчеству, обществу и т. д. Значимым является также то, что в этой новелле окончательно состоялся переход Кржижановского от философии к литературе (выбор между Кантом и Шекспиром), хотя философский пласт в тексте остается достаточно обширным. В «Стране нетов» обнаруживаются эксплицитные отсылки к философским системам Платона, Канта, Гегеля, Беркли, Спинозы, Декарта⁴.

Как и другие произведения книги «Сказки для вундеркиндов», новелла написана в ироническом ключе. Однако характер этой иронии является достаточно неоднозначным. «Страна нетов» обнаруживает сходство с путешествиями Гулливера Свифта: рассматриваемые тексты сближает наличие сатирического начала, характер конфликта (миры-антиподы), типология героя (путешественник) и т. д. На протяжении всего творчества Кржижановский неоднократно обращался к этому образу. Это подтверждают новеллы «Гулливер ищет работы», «Партия против короля великанов», а также переписка писателя с Анной Бовшек: в одном из писем за 1934 г. он соотносит себя с этим литературным персонажем⁵. Обращение

подчас таковы, что словно “Якобы” повествует про страну нетов), но с доброй половиной (если нее более того) сказок» [Кржижановский, 2001, т. 1, с. 632]. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.

² Новеллы книги напоминают сложный мозаичный орнамент, в котором каждый из элементов рисунка несет свою изобразительную нагрузку.

³ «Я круто повернул домой. И там, с зажатыми глазами, с головой, упершейся в ладони, я еще раз возвратился в мою сказочную Страну нетов» (т. 1, с. 357). «Территория Страны нетов день ото дня расширяется: робкие звоны колоколен, изредка вмешивающиеся в лязги и гулы города, напоминают нам о самом несуществующем в стране несуществующий: я говорю о Боге» (т. 1, с. 540).

⁴ Насыщенность произведений Кржижановского философскими аллюзиями и реминисценциями является характерной особенностью его прозы.

⁵ «Я, стегая свой усталый мозг, как ломовую клячу, заставил придумать целых два варианта “Гулливера”, которые и изложил в Союзкино, представив ряд матерьялов. Он слушали с раскрытыми ртами, признавали, что я распрявил тему во весь ее рост, что это перекрывает их сценарий, над которым работало несколько человек в течение 10 месяцев, но так как старый сценарий уже в производстве, типажи и декорации готовы, то мне придется вернуться к первоначальному сценарию, углубляя и утончая его моими образами и словостроем. Я еле удержался, чтобы не сказать, что за тему о “Гулливере” не следовало братья... лилипутам, но что-то вроде этого – достаточно резкое сказал» (т. 6, с. 82).

автора к классическим сюжетам и использование их в трансформированном виде в собственных текстах объясняется особенностями поэтики его прозы: модернистское моделирование художественного мира на основе интертекстуальности.

С другой стороны, авторская ирония восходит также к романтической иронии, в которой преобладает, прежде всего, трагическое начало. Подтверждением этому служит новелла «Якоби и “Якобы”», где писатель посредством высказывания персонажа выражает свою собственную позицию по отношению к этой проблеме. «И мне, Якоби, мнится какое-то “якобы”»: смешная, жалкая пародия на одну старую, печальную мысль. Ты – грусть улыбки философа, изогнутая в отвратительную гримасу шута» (т. 1, с. 109). Здесь очевидны отношения перевернутости категорий мира Кржижановского, где происходит смещение смысловых акцентов с комического на трагическое.

Название новеллы «Страна нетов» содержит в себе авторскую установку на восприятие текста. Уже в названии обнаруживается своеобразный парадокс. Речь идет о стране, где отсутствуют обитатели, т. е. дословно – это место, населенное теми, кого нет на самом деле. Отрицание в названии определяется логикой авторского дискурса. Страна нетов выступает в качестве мифологического топоса, эксплицирующего семантику минус-пространства Кржижановского (отрицание, отсутствие, кажимость).

В тесной взаимосвязи с названием находится эпитафия: «Объявившихся на службу великого государя почитать в естех, а прочих людишек писать нетами. Из писцовой книги конца XVII века» (т. 1, с. 265). Цитата из предполагаемого источника обозначает наличие бинарных оппозиций в тексте: разделение людей на естей и нетов. Этот фрагмент содержит отсылку к скрипторскому коду: глагол «писать», название «писцовая книга». Наличие этих понятий указывает читателю на возможную интенцию, необходимую для вхождения в нарративную структуру текста. Страна нетов оказывается не существующей, а созданной (написанной) реальностью. С другой стороны, будучи запечатленной в писцовой книге, Страна нетов обретает возможность собственной экзистенции (исходя из тезиса: то, что записано, – имеет место).

С первых слов новеллы «Страна нетов» Кржижановский стремится к созданию иллюзии истинности происходящего. «Я есть – есьм. И потому именно есьм, что принадлежу к великому Народу естей. Не могу не быть. Думаю, это достаточно понятно и популярно» (т. 1, с. 203). Высказывание «Я есть – есьм» тождественно постулату «Я – человек». Оно служит выражением собственной экзистенции персонажа. Эта интенция усиливается логическим доказательством обозначенной данности «принадлежу к великому Народу естей», «не могу не быть», а также апелляцией персонажа в очевидности этого (высказывания «понятно и популярно»).

С утверждения очевидности бытия персонажа автор переносит смысловой акцент на возможность экзистенции народа нетов, тем самым обозначая механизм функционирования оппозиции «ести – неты», бинарное противопоставление. Подтверждением этому служит следующая цитата: «...как бытие терпит каких-то там нетов, как оно где-то, пусть на глухой окраине своей, на одной из захолустнейших планеток, дает возникнуть и разрастись странному миру нетов, – это для меня будет чрезвычайно трудно» (т. 1, с. 265). Следуя за логикой авторского дискурса, читатель постепенно начинает верить в существование Страны нетов. Он неосознанно соглашается на условия игры, предложенной ему рассказчиком.

Введение в структуру текста образа философа Канта («Один расфилософствовавший нет сказал» (Там же)), а также закавыченной цитаты («Бытие не может не быть, не превращаясь в небытие, а небытие не может быть, не становясь от этого бытием» (Там же)) служит своеобразным кодом, необходимым для вхождения в метафизическое пространство Страны нетов. Определяя степень истинно-

сти высказывания Кенигсбергского старца, Кржижановский возводит философию Канта в статус мировоззренческой концепции народа нетов в новелле: «...и это настолько справедливо, что трудно поверить, как нет, несуществующее существо, могло – десятком слов – так близко подойти к истине». Последующие аллюзии на философию создателя понятий «трансцендентное» и «трансцендентальное» подтверждают этот тезис.

Кржижановский, удивительным образом, балансирует в новелле между реальностью и вымыслом. В этом состоит одна из особенностей его художественной манеры. Читателю сложно провести четкую грань между тем, что является мистификацией, и тем, что является правдой. Наряду с этим он оказывается вовлеченным в традиционную для писателя модернистскую игру по узнаванию тех или иных зашифрованных образов (пример Канта).

Рассмотрим описание Страны нетов рассказчиком. «К делу: диковинная Страна нетов, которую довелось мне посетить, – это кажущаяся им, нетам, плоской сфера; над кажущейся плоскостью через равные промежутки времени, которое, как доказано наимудрейшими нетами, само по себе не существует, происходят кажущиеся восходы и заходы, на самом деле неподвижного относительно мирка нетов солнца, порождающего тени, которые то малы, то велики, то возникают, то никнут, – так что нельзя сказать с уверенностью, существует ли тенное тело или не существует» (т. 1, с. 265). В этом фрагменте очевидный интерес вызывает мотив кажимости, на котором автор настойчиво акцентирует читательское внимание. Причастие «кажущийся» трижды встречается в одном предложении: (страна) «кажущаяся им, нетам», «над кажущейся плоскостью», «кажущиеся восходы и заходы». Характерно то, что страна мнится (грезится) их обитателям, т. е. они воспринимают ее не посредством традиционных органов чувств, а при помощи мыслительных способов перцепции. Интерес вызывает и тот факт, что мыслители («наимудрейшие неты») опровергают существование пространства, частью которого являются они сами. Относительность мировоззренческой концепции нетов проявляется в следующем фрагменте текста. «Правда, неты учат своих малых нетиков, что тени отбрасываются какими-то там вещами, но если рассудить здраво, то нельзя с точностью знать, отбрасываются ли тени вещами, вещи ли тенями – и не следует ли отбросить, как чистую мнимость, и их вещи, и их тени, и самих нетов с их мнимыми мнениями» (Там же). В этом случае автор продолжает рафинированную игру с читателем, подводя его к осознанию мысли: «А существует ли вообще Страна нетов с ее кажущимися восходами и закатами, или это только мнимость?» Этим тезисом он обрушивает предшествующие логические доказательства достоверности описываемого топоса. Упоминание теней, отбрасываемых вещами, вызывает устойчивые ассоциации с другими текстами писателя, а также с его авторским осмыслением идеалистической философии Канта. Это объясняется тем, что во всем написанном Кржижановским обнаруживается единая ассоциативно-метафорическая система, связь между новеллами, повестями научными статьями и эссе.

В литературоведческой работе «Фрагменты о Шекспире (Шекспир и пятиклассник)», написанной в 1939 г., повторяется философия, обнаруживаемая в новелле «Страна нетов». Размышляя о сложностях философии Канта, Кржижановский пишет: «Немецкий метафизик опровергал объективный мир и, взяв у меня, пятиклассника, резинку из рук, стирал тонкую черту между “я” и “не я”, меж объектом и субъектом. Раньше казалось все так просто: вещи отбрасывают тени, а теперь получилось: тени отбрасывают вещи, а может быть вещей и вовсе нет, а есть лишь “вещи в себе”. Но как тогда существуют тени? И значит “я” – тень...» (т. 4, с. 385). Здесь очевидна повторяемость образа «вещей, отбрасывающих тени». Цитата из «Фрагментов о Шекспире» объясняет генезис рассматриваемой философии.

Философия нетов в тексте обнаруживает некоторое сходство с мировоззренческой позицией «Якобы» из новеллы «Якоби и “Якобы”», которая, в свою очередь, отсылает нас к наследию Канта. «Ты ждешь от меня более точного ответа? Изволь: отец мой – Кант; отчизна – глухое, редко посещаемое умами примечание в “Критике разума”» (т. 1, с. 108). Далее таинственное существо «Якобы», порожденное сознанием Кенигсбергского старца, излагает свою мировоззренческую позицию Якоби. «Мозг, в муках осмысливший меня, давший мне душу, брал любое слово, ну хотя бы “мир”, и приставлял к нему “якобы”: это и было его методом. То, что вы называли в своих якобы системах “миром”, есть только “якобы” мир, якобы отраженный в ваших “якобы-я”» (т. 1, с. 109). Эта философская интенция реализуется далее в тексте новеллы. «Будем откровенны: так ли уж ты твердо уверен в том, что твое так называемое “я” не есть просто сокращенное суждение: “я-как бы”, “якобы”... или как бы я, то есть, повторяю, схема, пожалуй даже искажение... меня, якобы» (т. 1, с. 110). Здесь продолжается художественная реализация кантовской антиномии. «Якобы» заставляет «Якоби» усомниться в собственной экзистенции. В свою очередь, неты в новелле «Страна Нетов» дают повод персонажу (естю) увериться в своей сущности. В этой связи включается авторская логика фантазма. Она определяется отношением кажимостей и мнимостей, когда реальность заменяется каким-либо ее эрзацем. Кржижановский несколько отходит от философской системы Канта в сторону собственного мифа о минус-пространстве. Осознание несуществующего мира, смещение акцента в восприятии личности с ее обладателя на метафизического двойника – все это является проявлениями антимира (минус-пространства). Дальнейшие высказывания «Якобы» служат подтверждением этому. «Ergo: не я твой сон (как хотелось бы тебе), а ты мой сон, точнее, мое искажение, возникающее лишь как легко излечимая “болезнь языка”. Впрочем, извиняюсь за грубо потревоженную иллюзию – и пусть нас помирят ветхий стих Пиндара: “Раз тени сон привиделся: тот сон был назван человеком”» (Там же). Посредством высказывания «Якобы» автор включает собственную систему в общекультурный контекст: интертекстуальная отсылка к античной литературе (строчка Пиндара). В следующем высказывании персонажа Кржижановский еще более расширяет сферу возможных смыслов. Из обитателя книжных полей существо «Якобы» становится фантомом, явившимся на зов философа. «Я ведь тоже не совсем существую и охотно откликаюсь на зовы “тень”, “сон”, призрак» (Там же). Мотив призрачности повторяется в новелле. Высказыванию персонажа о своих ипостасях предшествуют другие слова в тексте. «Я – сумма всех человеческих смыслов; маленькое слово, умеющее своими буквами покрыть мир феноменов; еле зримая подпись Творца над вселенной призраков» (т. 1, с. 108). «Вселенная призраков» оказывается своеобразным эквивалентом Страны нетов.

При описании жизни нетов в новелле Кржижановский называет обитателей несуществующей страны призраками. «Неты живут кучно. Им всегда казалось и кажется, что из многих “нет” всегда можно сделать одно “да”, что множество призраков дадут себя сгустить в плотное тело» (т. 1, с. 265). Наряду с мотивом призрачности в тексте новеллы настойчиво повторяется мотив кажимостей: «им всегда казалось и кажется» (использование двух форм одного и того же глагола в прошедшем и настоящем времени), что также указывает на сходство рассматриваемых текстов.

Философема экзистенциального несуществования становится для писателя реальностью, эквивалентом его литературного небытия. Кржижановский осознает

себя нетом, обитателем несуществующей страны⁶, т. е. литературы. Не имея возможности реализовать себя в современном ему литературном пространстве, автор философских новелл все более уходит в сферу художественных замыслов. Поэтика его произведений выстраивается не как следствие диалога с культурой, в которой он находился, а как диалог писателя с его литературными предшественниками (Шекспир, Свифт, По). В воображении Кржижановского они становятся нетами, обитателями Страны нетов. Эта тенденция также встречается в рассматриваемой нами новелле: философы Кант, Спиноза, Декарт и другие называются нетами, в то время как ести живут в Стране Советов.

В «Штемпель: Москва (13 писем в провинцию)» Кржижановский противопоставляет Страну нетов пространству современной ему Москвы. В восьмом письме повести на примере пруда из «Бедной Лизы» Карамзина он показывает, как осуществляется переход из сферы художественных замыслов в жизнь⁷. Парадокс, однако, состоит в том, что критически описывая судьбу образа, созданного Карамзиным, писатель остается на стороне замыслов, обладающих для него очевидной аксиологической значимостью.

В сознании Кржижановского происходит стирание границы между субъектом и объектом, а также смещение акцента в восприятии окружающей его действительности. Он оказывается как творцом, так и частью творимого им мифологического мира. Страна нетов становится для него своеобразной альтернативной реальностью, в которой он вынужден существовать. Как следствие этого, художественный мир писателя начинает функционировать по логической схеме: «текст-миф, мир-миф». Подвижность этой схемы подразумевает взаимозаменяемость элементов данной парадигмы. Эта особенность авторского дискурса Кржижановского объясняет наличие биографического кода в произведениях автора «Сказок для вундеркиндов», а также его обращение к собственным образам в реальной жизни: упоминание персонажей новелл как живых людей в переписке с супругой А. Бовшек.

Своеобразие новеллы «Страна нетов» объясняется особенностями творческой манеры Кржижановского: интертекстуальной природой его текстов. Посредством внутренних переключек, автоцитации и отсылок к хронологически отдаленным произведениям создается целостный и многогранный образ страны, которой нет ни на одной карте. Значимыми также являются многочисленные культурные коды, отсылающие читателя не только к литературе, но и к философии, а также другим интеллектуальным сферам, созданным человеческим сознанием.

Список литературы

Кржижановский С. Д. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. СПб.: Symposium, 2001; Т. 4. СПб.: Symposium, 2006; Т. 6. М.: Б.Г.С.-Пресс; СПб.: Symposium, 2013.

⁶ Эту особенность отмечает также В. Г. Перельмутер в комментариях к собранию сочинений писателя: «Кржижановский часто не только в прозе, но и в письмах – называет себя нетом» (т. 1, с. 399).

⁷ «На Тверской, в доме № 29, где сейчас живет Долидзе, прежде жил Карамзин. Он выдумал “Бедную Лизу”, а трамвай № 28 возит желающих к товарной станции Лизино, от которой в нескольких шагах и Лизин пруд; здесь она – помните? – погибла. Я сел в трамвай № 28 и вскоре стоял у черной зловонной лужи, круглым пятном вдавившейся в свои косые берега. Это и есть Лизин пруд. Пять-шесть деревянных домиков, повернувшись к пруду задом, пакостят прямо в него, заваливая его нечистотами. Я повернул круто спину и пошел: нет-нет, скорей, в Страну нетов» (т. 1, с. 540).

A. A. Manskov

**The image of «The land of Nety»
in the art word of S. D. Krzhizhanovsky**

The paper deals with the image of «The Land of the Nety» in the artistic world of S. D. Krzhizhanovsky. Throughout his life, the writer repeatedly referred to this image. «The Land of the Nety» is not only the subject of Krzhizhanovsky's artistic reflections, but of his scientific discourse as well. This is indicated by his literary work «Countries that do not Exist» (1937), which arose from his original concept of the short novel «The Land of the Nety» (1922). This short novel serves as a peculiar literary manifesto of the author of «Fairy Tales for Child Prodigies» and «The Return of Baron Munkhausen». This short novel is the reflection of the writer's world-view, his philosophical views, his attitude to religion and creative work. Krzhizhanovsky believed himself to be a «nety», an inhabitant of a nonexistent country of literature. Testifying to this are his letters and diary notes. Having no possibility to realize his potential in the literary space of his period, the author of the philosophical novels delved deeply into the sphere of artistic projects. The poetics of his works lined up not as a result of a dialogue with the culture which he represented, but as a dialogue with his literary predecessors, who in his imagination became real inhabitants of the Land of the Nety.

Keywords: short novel, irony, existence, reality, space.

DOI 10.17223/18137083/54/5